

УДК 94(47).045

**ДОКУМЕНТЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОЛМАЧЕЙ
ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА КУЧУМОВЫХ**

© 2017 г.

*А.В. Беляков¹, Г.А. Енгальцева²*¹Институт российской истории Российской академии наук, Москва²Московский государственный институт культуры, Рязань

feb@ru.ru

Поступила в редакцию 01.02.2017

Биографии толмачей Посольского приказа практически не исследованы. Нами предпринята попытка на основании архивных источников проследить историю появления в России, участия в событиях Смутного времени и службы в Посольском приказе толмачей Кучумовых. Рассматриваются судьбы членов семьи – как сохранивших верность исламу, так и принявших православие. Сделан вывод, что в целях экономии средств приказа толмачей, а возможно, и переводчиков верстали из лиц, ведавших в Посольском приказе и пригодных для этой службы. Данное наблюдение, возможно, позволит нам в будущем установить происхождение некоторых служащих внешнеполитического ведомства.

Ключевые слова: Посольский приказ, толмачи, служилые татары, Смутное время.

Биографии толмачей (семей толмачей) Посольского приказа еще не становились предметом специальных исследований. Различные стороны их жизни и профессиональной деятельности, конечно же, в той или иной степени затрагивались в работах, посвященных служащим российского внешнеполитического ведомства [1–3]. Однако относительно полно проследить жизненный путь конкретно взятого толмача – такая задача еще не ставилась. Причин этого несколько. Первая, и самая главная, – недостаток источников. В нашем распоряжении, как правило, имеются исключительно сообщения о размерах их жалования и посылках в составе дипломатических миссий. Вторая причина – недостаточная значимость самих личностей толмачей. Тем важнее для нас архивные находки, позволяющие проследить судьбу конкретного толмача. К подобным удачам следует отнести обнаружение дела 1622 г. о верстании помещным окладом и денежным жалованием служилого татарина Мухаммед-кула (Маметкула) Кучумова. Дополнив его иными архивными документами, нам удалось восстановить историю клана толмачей Посольского приказа Кучумовых. При этом мы смогли выяснить еще один неизвестный ранее сюжет с участием служилых татар в событиях Смутного времени.

Благодаря обнаруженному источнику нам становится известным, что во второй половине 1597 г. на имя царя Федора Ивановича из Азова выехал татарин Кучум Кизилдеев сын. С ним выехала его жена и трое детей, два сына, Асан (Осан, Хасан) и Еким, и дочь. Асан и Еким к тому времени сами уже были женаты. У Асана

отмечен сын, скорее всего Сабаней (Сабанай). С Кучумом же выехало трое его людей. Данный факт говорит о том, что отъезд, по-видимому, не был абсолютно спонтанным и продумывался заранее. Это не обычное пленение, представленное позднее как добровольный выезд. Что представляла собой жизнь Кучума и его семьи в Азове и в чем были причины их отъезда, нам неизвестно. Однако отъезд мусульман в христианскую по преимуществу страну говорит о том, что в Азове у семьи были серьезные проблемы. В XVI в. под городом кочевало значительное количество азовских казаков. По преимуществу они относились к выходцам из Малой Ногайской Орды (Казыев улус). Возможно, наши герои именно оттуда. Первоначально нововыезжих татар поселили в Москве и дали им поденный корм. Кучуму с женой, дочерью и тремя людьми по 8 копеек и ведру княжьего меда на день. Асану с женой и сыном 7 ½ копеек и ½ ведра меда. Екиму с женой 4 копейки и ⅓ ведра меда. На дрова им всем была положена 1 копейка в день. Ведались они в Посольском приказе. В 1599/1600 г. их поверстали помещным окладом и годовым денежным жалованием. Кучуму назначили 450 четей помещного оклада и 25 рублей годового денежного жалования. Асану – 350 четей и 20 рублей. Екиму – 300 четей и 15 рублей. Оклады по тем временам более чем достойные. Это говорит о том, что Кучуму удалось доказать свой высокий статус в Азове. 6 мая 1600 г. их всех перевели в Разрядный приказ и испоместили в Дорогобужском уезде. Сам по себе этот факт очень интересен. Ведь до этого служилые татары в Дорогобуже были неизвестны [4, л. 2–8].

Данная история вызывает ряд вопросов. Дело в том, что, очевидно, вместе с нашим семейством или же в короткий временной интервал из Азова выехали и иные татары, явно меньшего статуса, которых испостили в Новгородском уезде [5, с. 100]. Таким образом, мы наблюдаем относительно массовый исход служилых татар из города (из-под города). Такое относительно масштабное действие могло отразиться в посольской документации по связям с Крымом, Турцией и Ногайской Ордой. Возможно, со временем там будет обнаружена разгадка этого вопроса. Логично было бы предположить, что испомещение Кучумовых – Кизылдеевых (Кизилдеевых) и иных азовских татар должны были произвести в одном регионе. В таком случае Кучум должен был возглавить данную группу. Но этого по каким-то причинам не произошло.

В Дорогобуже семья была не одинока. Здесь же проживал ногайский мирза Бегай Смайлев (Бегай (Бай) б. Ханбай б. Исмаил). Кроме того что он приходился внуком ногайскому бию Исмаилу б. Мусе, его жена являлась сибирской царицей. 20 августа 1598 г. в Сибири в плен русским воеводам попала большая группа детей, жен и внуков хана Кучума. Все они вскоре были вывезены в Москву. Среди вывезенных отмечены малолетние внук, Зен-Магмет, и внучка, Лалтак, сибирского хана. Имя матери нам неизвестно. А вот их отец, Бегай мирза, через какое-то время, по-видимому, добровольно выехал в Россию. С ним оказались другие его сыновья, Сары (скорее всего, от другой жены) и Деян (Дьян) (умер в 1621/22 г.), некоторые иные родственники [6, с. 69; 7, 331–332; 8, с. 5, 17, 18]. Отметим, что в русской традиции всех незамужних дочерей Чингисидов (потомков Чингисхана) мусульманского вероисповедания называли царевнами, замужних – царицами, при этом вне зависимости от статуса супруга. Попала ли мать детей в Россию, или же она умерла до этого; жили ли дети с отцом, нам об этом ничего не известно. Но статус гургана (зятя Чингисидов) был весьма высоким на постордынском пространстве, хоть и не давал никаких формальных преимуществ.

Когда произошел выезд мирзы, нам не известно. 9 октября 1609 г. в выписи (благодарю указавшего на этот документ А.А. Селина): «каковы были дорогобужцы и вязмичи дворяне и дети боярские к хлебному жалованью, сколько у ково, у дворян и у детей боярских написано людей, и тому роспись» – читаем: «Бегея мурзы Смайлова семья человек. У Осановой жены Кучюмова сына Кизилдеева 4 человека. У Екимовой жены Кучюмова сына Кизилдеева человек» [9]. Это известие интересно нам сразу по

нескольким позициям. Во-первых, это единственный документ, донесший до нас имя отца Кучума – Кизилдей. Во-вторых, нам становится известно, что в результате военных действий Смутного времени семьи Кучумовых и Смайлевых вместе с русскими служилыми дорогобужцами оказались в Смоленске. В-третьих, по неизвестным нам причинам в документе отмечены исключительно жены. Есть еще один немаловажный вопрос. Дело в том, что по существующей практике служилых татар испомещали гнездами. Они несли службу отдельными подразделениями. Поэтому мы вправе искать их в Дорогобужском уезде или, по крайней мере, поблизости иных служилых татар. Но документы о них молчат. Здесь требуются дополнительные архивные изыскания. Однако косвенные данные позволяют нам предположить именно последнюю версию. Дело в том, что Мухаммедкул в своей челобитной сообщает нам о гибели своего отца, Екима Кучюмова под Москвой на государевой службе от литовских людей [4, л. 1]. В таком случае нам, по-видимому, следует искать иных дорогобужских татар в рядах Второго ополчения. Но нам по-прежнему остается непонятно, где в 1609 г. были Еким, его старший брат Мочак, дядя Асан и двое двоюродных братьев, сыновья Асана, Сабаней и Темир. Тем более что трое из них к этому времени являлись еще несовершеннолетними. Еще более ситуацию запутывает известие о том, что 3 декабря 1611 г. Сигизмундом III к боярам в Москву была дана грамота о выделении Асану и Екиму Кучюмовым в Ростовском уезде в поместья села Пужбалы и сельца Слободка Юрьевская «против того поместья што отдано Солтыковы» [10, с. 390, № 635].

Но вернемся к делу. Из него нам становится известно, что в августе 1613 г. все перечисленные лица находились в Смоленске, оккупированном поляками. 21 августа боярин и воевода князь Д.М. Черкасский, руководивший осадой города, в своей отписке сообщал, что «выехали из Смоленска на государево имя з Бигей мурзою Смайлевым Осан Кучюмов з женою и з детми да племянники иво, Мочак да Маметкул Екимовы дети Кучюмова, и они послали их ко государю к Москве». Как мы видим, служилые дорогобужские татары и в Смоленске старались быть вместе. Можно осторожно допустить, что они к этому времени оказались связаны семейными узами. Но прямых доказательств этого нет. Не видим мы и прямых связей между Кучюмовыми и Смайлевыми после побега. Можно указать только одно интересное совпадение. Мухаммедкул и Сары б. Бегай почти одновременно подали челобитную в Посольский приказ

о верстании их поместным окладом в 1622 г. (см. приложения 1 и 2) [4, л. 1; 11] Возможно, они были одногодками. Социальной пропасти между Смайлевыми и Кучумовыми мы не видим. Хотя последние и имели более низкие поместные оклады (их размеры являются главными индикаторами статуса того или иного служилого человека). Мы неоднократно встречаем оклады Кучумовых данных «на пример» в делах о верстании ногайских мирз. В одном из таких документов Асан назван мирзой. Кучума к этому времени уже не было в живых. Также, по-видимому, умерла и жена Екима. Не встречаем мы и дочь Кучума. К этому времени она могла уже выйти замуж.

Бегство/выезд служилых татар из осажденного Смоленска не осталось без награды. Их вновь стали *ведать* в Посольском приказе. Данный факт следует рассматривать как повышение статуса среди массы иных служилых иноземцев. До тех пор пока их не испоместят, им стали давать на Москве поденный корм. Асану с женою по 5 копеек, его детям и племянникам по 3 копейки человеку на день, их людям (8 человек) по 1.5 копейки человеку на день. Всего получается 29 копеек на день. Немалые деньги для разоренной Москвы. Тогда же совершеннолетних пожаловали *за выезд* поместным и денежным окладами. Асану Кучумову назначили 600 четей поместного оклада (почти предельный размер для служилого татарина, не являющегося представителем владетельного рода) и 50 рублей годового денежного жалования. Его сыну Сабаная – 500 четей и 40 рублей. Где-то в начале 1613 г. Асан со старшим сыном испомещен в Суздале. А его племянникам, Мочаку и Маметкулу, с 12 февраля велено давать государево жалование – денежный поденный корм из Большого прихода. Мочаку и Маметкулу по 3 копейки человеку на день, а их людям (5 человек) по 1.5 копейки на день. В своей челобитной Маметкул говорит, что ему полагалось 3 рубля в месяц. Такая сумма получается, если сложить поденный корм Маметкула и его людей. Выходит, что братья в скором времени разделились. И, действительно, в Посольском приказе между 1613 и 1616 г. появляется толмач Мочак Акимов сын Кучумов. Теперь мы вправе сказать, что дата его зачисления в приказ скорее ближе к 1613 г. Ему назначили годовое денежное жалование в 12 рублей, поместный оклад в 250 четей и 12 четей годового хлебного жалования [2, с. 383]. Мало ли это? В России существовали особые правила назначения *новичных* окладов служилым людям, в том числе и иноземцам. В них учитывалось множество факторов: статус человека, оклад отца, если он имелся, имевшиеся в приказе

примеры пожалований лицам со схожим статусом. Оклады детей, если у них к этому времени не было личных заслуг перед государем, всегда были ниже родительских. Двоюродный брат Мочака, Темир Асанов, при верстании в 1629 г. также получил 10 рублей годового денежного жалования и 250 четей поместного оклада. При этом «на пример» ему выписали *новичный* оклад внука большого сибирского карачи Семена Кашакова сына Маметева. Таким образом, перед нами стандартизированный *новичный* оклад служилого татарина из хорошей семьи, не относящейся, однако, к владетельным родам.

В настоящее время мы не можем однозначно говорить о статусе толмача Посольского приказа по сравнению с кормовыми и испомещенными иноземцами. Являлось ли назначение в переводчики устной речи внешнеполитического ведомства падением социального статуса? Скорее всего, нет. Мы знаем, что станичники Посольского приказа и мещерские служилые татары всю первую половину XVII в. стремились попасть на эту должность.

А что же его брат Маметкул? С деньгами в государстве оставалось плохо. *Поденный корм* из Большого прихода ему выдавали нерегулярно. А тут он заболел, и все выплаты прекратились. А как же брат толмач? Почему он не пришел ему на выручку? Первое, что приходит на ум, это ссора между братьями. Но здесь следует учитывать специфику службы в толмачах внешнеполитического ведомства. Функции этой категории служащих частично совпадают с обязанностями переводчиков – устный перевод, но имеются и особенности – выполнение дел, свойственных приставам, о чем писал в своем сочинении Г. Котошихин: «Да они ж, толмачи, днюют и начюют в Приказе, человек по 10 в судки, и за делами ходят, и в посылки посылаются во всякие; да они ж, как на Москве бывають окрестных государств послы, бывають приставлены для толмачества и кормового и питейного збору» [12, с. 87]. Мочака в это время просто могло не быть в городе. Нам известно, что он часто отправлялся в длительные посылки за пределы столицы. В декабре 1616 г. его послали с грамотою к русским послам в Дедерино. В феврале 1617 г. его отправили в Воронеж. И так постоянно [2, с. 383]. Скорее всего, именно из-за этого Маметкул и вынужден был уехать из Москвы к своему дяде в Суздальский уезд. Но около 1622 г. дядя умирает. Маметкул приезжает в Москву и подает свою челобитную [4]. По ней ему назначают все те же 12 рублей годового денежного жалования. Запись об этом сохранилась в виде скрепы на лицевой стороне документа. К тому же следует отметить, что сохра-

нилась она частично. К примеру, величина поместного оклада отсутствует.

Как сложилась дальнейшая судьба Маметкула Кучумова? О первых годах нам ничего не известно. Возможно, какое-то время он входил в разряд кормовых иноземцев и получал поденный корм. Однако в 1628 г. в приказе фиксируется толмач Афанасий Екимов сын Кучумов, в котором, по нашему мнению, и следует видеть нашего Маметкула. Обстоятельства, при которых он упоминается, позволяют предположить, что зачислен в приказ он был значительно раньше. Возможно, все в том же 1622 г. Время и причины крещения Маметкула/Афанасия нам неизвестны. Но данный шаг однозначно помог ему занять лучшие стартовые позиции по сравнению с толмачами, оставшимися в исламе. Первые годы службы Маметкула/Афанасия выявил Б.А. Куненков. Впервые он упомянут в связи с участием в посольстве в Турцию С. Яковлева и П. Евдокимова в 1628–1630 гг. Почти сразу после этого его в 1630/31 г. посылают в Крым в посольстве П. Соковнина и Т. Голосова. В 1632/33 г. за «Крымскую службу» он получил придачу к окладу 3 рубля. В 1633/34 г. вместе с подьячим Л. Лазаревским он доставил грамоты в Турцию посольству Я. Дашкова и М. Сомова. С 1633/34 г. его годовое денежное жалование составляло 25 рублей, поместный оклад 500 четей, поденный корм 10 копеек. В 1638/39 г. ездил в Крым с посланником И. Фустовым [13, л. 851, с. 398–399]. В 1639/40 г. вновь посылался в Турцию в составе посольства В. Сухотина и С. Звягина. Как минимум единожды ему удалось попасть и в Азов, из которого выехал его дед. В 1642/43 г. его годовая оклад составлял уже 30 рублей [3, с. 464–465]. Также в описи архива Посольского приказа отмечена недатированная грамота персидского шаха Аббаса II, отправленная русскому царю с толмачом Афанасием Кучумовым [13, л. 729 об., с. 348]. Перед нами портрет востребованного профессионала, специализирующегося на турецком и крымском направлении. Здесь следует отметить, что на толмачей, посылавшихся в Бахчисарай и Стамбул, возлагалась очень серьезная и важная миссия. Дело в том, что русские участники посольств зачастую не имели права свободного передвижения по городу. Они фактически находились на положении домашнего ареста. Поэтому толмачи-мусульмане, на которых этот запрет чаще всего не распространялся или же был не столь суров, становились глазами и ушами русских посольств. Они собирали городские сплетни, восстанавливали старые контакты с многочисленными осведомителями, вербовали новых. Без их каждодневной упорной

работы русская восточная дипломатия просто не могла рассчитывать на плодотворную деятельность [14].

Успешно продолжалась служба Афанасия Кучумова и в царствование Алексея Михайловича. Оклад его больше не увеличивался. Но это был высший оклад для толмачей того времени [15]. Его карьера закончилась на взлете. Он умер в 1651/52 г. в Москве, судя по всему, во время эпидемии [1, с. 339].

А как развивалась карьера его брата? С 1616/17 г. годовая денежная оклад Мочака Кучумова составлял 13 рублей, с 1631/32 г. возрастает до 15 рублей, с 1639/40 г. – 18 рублей. А вот за поденный корм он был помещен на 350 четях в Суздальском и Кадомском уездах [15, л. 71, 89]. Поэтому установить его размер в денежном эквиваленте на настоящий момент не представляется возможным. Участвовал в посольствах в Крым Л. Кологривова и А. Дурова в 1629–1630 гг., Д. Остафьева и А. Кузовлева в 1636–1637 гг., в миссиях в Большую Ногайскую Орду П. Вражского в 1618 г. и А. Плещеева и П. Вражского в 1628 г. [3, с. 364–365]. Как мы видим, он также посылается в посольские посылки. Но в отличие от брата его карьера не была столь яркой. Он оставил по себе в приказе иную память. Указом от 25 января 1646 г. «толмачи бусурманские веры ис Посольского приказа с поместными и денежными окладами отосланы в Разряд» [1, с. 150; 16, с. 64]. Фактически это означало отставку. В этот момент молодой царь Алексей Михайлович, по-видимому, задумал серию мероприятий, направленных на создание ситуации, которая должна была подтолкнуть к принятию православия значительное число его подданных. По разным причинам не все они состоялись. Но эксперимент с толмачами удался. Дело в том, что в это время в татарские толмачи стали назначать вчерашних русских полоняников. Это, с одной стороны, рассматривалось как награда за многолетнее полное терпение, а с другой – находило место применение для зачастую уже не молодых и больных людей. На эксперимент с толмачами власти пошли по той причине, что дефицита в специалистах по устному татарскому языку не было. 23 марта 1652 г. Мочак возвращается в приказ. Однако теперь он стал Григорием. С этого момента он служил в приказе до 1670 г., даты своей смерти. В 1659/60 г. его годовая оклад увеличивается до 20 рублей [17, л. 62]. В это время он уже не посылается в дальние посылки. Ведь ему уже за 50. В 1662/63 г. отмечен его поместный оклад – 450 четей [15, л. 43 об.]. Он не смог, как брат, достигнуть самых вершин карьеры. Но все же стал более чем заметной

фигурой. И во многом здесь ему помогли его дети. У Мочака/Григория известно 5 сыновей. Четверо из них в разное время служили толмачами в Посольском приказе: Курмыш (Федор) (1647/48 г.), Иван (VI. 1663 – 1678/79 г.), Василий (1665/66 – 1678/79 г.), Полуект (1659/60 – 1689 г.). Дочь еще одного сына, Петра, Татьяна в первом браке была за толмачом Измаилом (Трофимом) Мазлеевым (Марлеевым), во втором браке за толмачом Игнатом Лазаревым. Полуект был женат на Дарье, в первом браке она была замужем за толмачом Григорием Гостевым [1, с. 149]. Тем самым Григорию удалось создать мощный клан среди толмачей внешнеполитического ведомства и еще долгие годы после своей смерти незримо присутствовать в стенах приказа.

Возникает законный вопрос: как братья общались, служа в одном приказе? На это у нас нет ответа. Документы молчат. Мы можем только привлечь схожие ситуации из практики внешнеполитического ведомства. Крещение для мусульман-переводчиков было далеко не всегда безопасно. В 1670 г. решившего принять православие переводчика татарского языка Усея (Алексея) Месетьева избили за это татарские и турецкие переводчики Абдулла Байцын, Кучукай Сакаев, Девлет Меликов. В данном инциденте следует видеть именно борьбу с переходом в православие, а не реакцию на возможное получение одним из переводчиков конкурентного преимущества. Интересно, что родной брат Усея в этой экзекуции участие не принимал. В конечном итоге Месетьев все же крестился [18]. Но описываемая нами ситуация осложняется еще и последующей сменой веры вторым братом. По формальным признакам мы можем предположить, что отношения между братьями были натянуты. В документах Посольского приказа относительно часто можно встретить отсылки на служивших здесь же родственников и свойственников. Ни Афанасий, ни Мочак/Григорий ни разу не упоминают о существовании брата. Не отмечены и связи сыновей Екима с детьми Асана. О представителях этой ветви рода нам тоже кое-что известно. Один из детей Асана не позднее зимы 1653 г. крестился. 5 февраля 1653 г. Михаил Асанов сын Кучумов записан в боярском списке в дворяне по московскому списку в иноземцы [19, с. 207]. Его сын Василий в ноябре 1671 – мае 1673 г. отмечен как воевода в Нижнем Ломове [20, № 2283, 2285, с. 417–418]. В боярских книгах рубежа XVII–XVIII вв. род не упоминается [21]. Показательно, что после крещения Михаил не стал князем. В нашем случае это важный маркер, указывающий на то, что родоначальник, Кучум,

не относился к ногайским мирзам – потомкам Эдиге. В таком случае их предков, скорее всего, следует искать среди иной ногайской родоплеменной знати.

Итак, благодаря обнаруженным документам мы смогли установить происхождение ряда толмачей Посольского приказа и то, как они попали во внешнеполитическое ведомство. Но эти же документы позволяют нам предположить, что в годы первых лет после завершения острой фазы событий Смутного времени, в целях экономии средств приказа, как минимум толмачей, а возможно и переводчиков верстали из лиц, ведавших в Посольском приказе и пригодных для этой службы. Данное наблюдение, возможно, позволит нам в будущем установить происхождение некоторых служащих внешнеполитического ведомства.

Приложение 1

1622 г. – челобитная служилого татарина Мухаммед-кула Екимова сына Кучумова о поверстании его годовым денежным жалованием и поместным окладом.

...твоим царским жалованьем, деняжным [и] поместным окладом. А деняжнова, государь, жалованья была оцу¹ моему трицать рублев, а помеснова, государь, [о]кладу была отцу моему четыреста четвертей. А отца, государь, моево убили на твоей, царской, службе под Москвою литовские² люди. И я, государь, холоп твой, сидел в Смоленску. И как, государь, взяли литовские люди Смоленск, и меня, государь, холопа твоего, полонили. И я, государь, холоп твой, от них ушел з Бегей мурзою с Канбаевым да з дядею своим с Осанам с Кучумовым. И прежа сево, государь, давали мне, холопу твоему, твоево, царского, жа[лования мне]³ на месяц и с людишками по три рубли. И как, государь, я, холоп твой, занемох, и мне, государь, корму и не стали довать. И ныне, государь, мне корму не доют. И я, государь, холоп твой, волочась и з людишками помираю голодною смерть[ю]. И нынча, государь, я, холоп твой, поспел в твою, царскую, службу. И я, государь, холоп твой, не верстон. Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, меня, холопа своего, поверстать своим царским жалованьям деняжным и поместным окладом кому я, холоп твой, отечеством и службою версту, што и я, холоп твой, твое, царской службы не остал. Царь государь смилуйся, пожалуй.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1622 г. Д. 4. Л. 1. (Подлинник).

Примечания: ¹ так в ркп.; ² в ркп.: миловские; ³ в подлиннике часть документа склеена по разрыву. В подлиннике в низу листа на лицевой стороне документа нечитаемая дьячья припись по склейке. Сохранившиеся элементы букв позволяют достаточно уверенно предположить, что это требование справки из Посольского приказа о фигурантах челобитной.

Приложение 2

1622 г. – деле по челобитной служилого татарина Мухаммед-кула Екимова сына Кучумова о поверстании его годовым денежным жалованием и поместным окладом.

Написано в доклад:

Бьет челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии азовца Екимов сын Кучумова Маметкул. Выехал де из Азова дед ево Кучумов и отец ево Еким и дядя ево Осан Кучумовы блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии на государево имя служить. И по государеву де указу де ево и отец и дядя ево, и двоюродные братья все верстаны государевым жалованием помесным и денежным окладом и испомещены были все в Дорогобужском уезде. А было де отцу ево, Маметкулову, государева жалования помесной оклад четыреста чети, денег триста рублев. И как де полские и литовские люди Московское государство разорили, а государевы бояре и воеводы пришли под Москву, и в те де поры при боярех отец ево под Москвою служил. И под Москвою де на бою полские и литовские люди отца ево убили. А он де в те поры с матерью своею был у литовских людей в полону в Смоленску. И из Смоленска де вышли они в полки к боярину и воеводам ко князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкасскому с товарищи всесте з Бигей мурзою Смайлевым да з дядею своим, с Осаном Кучумовым. И боярин деи и воеводы князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасской с товарищи прислали их ко государю к Москве. И по государеву указу давано ему с людьми на Москве государева жалования денежного поденного корму // [] волокою [] в те поры в Большом [приходе] жело а денег было в те поры [в Больш]мо приходе в привозе мало, и ему деи [бы]ло на Москве с людьми прокормиться нечем. И он де съехал в Суздаль к дяде своему, к Осану Кучумову. И с тех мест и по ся места жил у дяди своего, у Осана. А ныне де дяди ево, Осана, не стало. И ему деи с людьми кормиться не о ком. А в государеву де он службу поспел. И государь бы царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии его, Маметкула, пожаловал, велел поверстати своим государевым жалованием помесным и денежным окладом, как государя Бог известит. И велел бы ему государь давати с людьми свое. государево, жалование денежной поденной корм по прежнему своему, государеву указу, и свою, государеву, службу велел бы ему, государь, служить с ево братьею, с иноземцы, вместе.

А что Маметкулову деду, азовцу Кучуму и детям ево, Осану и Екиму Кучумовым, как они выехали из Азова, давано государева жалования поденного корму, и что было им учинено помесные и денежные оклады, и что Маметкулу Кучумову з братом и с людьми, как они выехали от литовских людей ис полону из Смоленска давано государева жалования из Большого приходу денежного поденного корму.

И выписано из записной тетрати прошлого 106-го году. Блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Ру[сии] // выехали из Азова на его, государево, имя, азовец Кучюм з женою да з детми, с Асаном да с Екимом. И по госу-

дареву указу давано им на Москве государева жалования поденного корму.

Кучюму з женою да з дочерью, да людем, 3-м человеком, по два алтына по 4 денге да по ведру меду княжого на день.

Кучюмову большому сыну, Осану, з женою да с сыном по 2 алтына по 3 денги да по полуведра меду на день.

Кучюмову меньшому сыну, Акиму, Маметкулову отцу, з женою по 8 денег да по трети ведра меду.

Да им же на д[рова] всем по две денги на день [] //

А во 108-м году Кучюм з детми поверстан государевым жалованием помесным и денежным окладом. А учинены им помесные и денежные оклады:

Кучюму – 450 чети, денег 25 рублев;

сыну его большому, Осану – 350 чети, денег 20 рублев;

меньшому Кучюмову сыну – 300 чети, денег 15 рублев.

И испомещены они были все в Дорогобужском уезде. И в том же ве 108-м году мая в 6 день азовец Кучюм з детми, с Асаном и с Екимом // отосланы в Розряд. И велено их службою ведать в Розряде, а судом в Судном приказе. И с тех мест и по 121-й год ведомы они были в Розряде.

А во 121-м году августа 21 день писали ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии ис под Смоленска боярин и воеводы князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасской с товарищи, что выехали из Смоленска на государево имя з Бигей мурзою Смайлевым Осан Кучумов з женою и з детми да племянники иво, Мочак да Маметкул Екимовы дети Кучумова, и они послали их ко государю к Москве. И как Осан Кучюмов з женою и з детми, и с племянники к Москве приехали, и по государеву указу велено их ведати в Посолском приказе с их братьею, с иноземцы, по-прежнему. А государева жалования денежного поденного корму велено им давати до тех мест, покаместа они государем испоместятца, Осану з женою по десяти денег, детем ево, Сабанаю да Темирю, да племянником иво, Мочаку да Маметкулу, по 6 денег человеку на день, людем их, осмии человеком, по 3 денги человеку на день.

А государева жалования им за выезд учинено помесного и денежного окладу: //

Осану Кучюмову – 600 чети, денег 50 рублев;

Осанову сыну Сабанаю – 500 чети, денег 40 рублев.

А племянники Осановы, Мочак и Маметкул Екимовы дети Кучумова в те поры о верстанье не били челом.

И во во 122-м году по государеву указу Осан Кучюмов с сыном испомещен в Суздале. А племянником иво, Мочаку и Маметкулу Кучумовым велено давати государево жалование денежной поденной корм из Большого приходу 122-го году февраля с 12 числа до государева указу. Мочаку да Маметкулу по шти денег человеку на день, людем их, 5-и человеком, по три денги человеку на день.

Маметкулу ж Кучюмову выписаны к верстам на пример ярославские кормовые татаровя и азовцы, которые выехали на государево ¹имя из Азова¹ в нынешнем во 130-м году.

По 450 чети, денег по 35-и рублей:

ярославские кормовые татаровя Шантемир да Казмаммет Хотеевы. //

300 чети, денег 15 рублей:

Михайло Бабашихов.

Да в нынешнем во 130-м году выехали на государево имя из Азова азовцы Мамет Сманов да Мамет Ахманов. И на Москве по их челобитью крещены они в православную крестьянскую веру. А государева жалованья им учинены помесные и денежные оклады по 350 чети, денег по 17 рублей² человеку. К службе в Розряд.

РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1622 г. Д. 4. Л. 2–8. (Подлинник)

Примечания: ¹⁻¹ в ркп над строкой; ² в ркп. над строкой. Частично сохранилась дьяческая припись/скрепа с лицевой стороны документа на лл. 3–4: диок; лл. 5–6: 12 рублей; лл. 6–7 и отослать; [...]со[]

Принятые сокращения

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

СПБII – Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Список литературы

1. Беляков А.В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века: Дис. ...канд. ист. наук. М., 2002. 403 с.
2. Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. 485 с.
3. Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007. 415 с.
4. РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1622 г. Д. 4.
5. Селин А.А. Татары-мусульмане и новокрещены в новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // *Quaestio Rossica*. 2016. 2016 № 3. С. 93–110.
6. Беляков А.В. Чингисиды в России: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.

7. Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // *Тюркологический сборник*: 2002. М.: Восточная литература, 2003. С. 320–353.

8. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II.

9. СПБII. Кол. 174. Оп. 2. Д. 326.

10. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. Т. 4: 1588–1632. 529 с.

11. РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1622 г. Д. 1.

12. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1906. 214 с.

13. Описание архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. Ч. 1. 525 с.

14. Беляков А.В. Специалисты восточных языков Посольского приказа второй половины XVII в. // *История в подробностях*. 2015. № 9. С. 38–47.

15. РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12.

16. Беляков А.В. Крещение мусульман и проблема их интеграции в России XVI–XVII веков // *Национальная политика России в контексте современных вызовов: идеи, практики, перспективы*. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. С. 56–74.

17. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 7.

18. Беляков А.В. К вопросу о вероисповедании служащих Посольского приказа второй половины XVII в. // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. статей*. М., 2003. С. 64–70.

19. Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2009. Т. II. 464 с.

20. Описание Грамот Коллегии экономии. М.: Древлехранилище, 2016. Т. I: А–И. 1192 с.

21. Захаров А.В. Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2009. 447 с.

DOCUMENTS ON THE ORIGINS OF THE KUCHUMOV, THE FAMILY OF INTERPRETERS IN THE *POSOLSKIY PRIKAZ*

A.V. Belyakov, G.A. Engalycheva

The *Posolskiy prikaz* interpreters' and translators' biographies are still almost unresearched. This article attempts to trace the history of the Kuchumovs, the interpreters of the *Posolskiy prikaz*, their coming to Russia, engagement in the events of the Time of Troubles, and their services in the *prikaz*, as based on archival sources. We also examine the fate of family members who remained faithful to Islam and converted to Orthodoxy. The authors conclude that in order to save money, interpreters, and possibly translators, were hired from the number of those already employed in the *Posolskiy prikaz* who were suitable for this type of service. This observation may allow us to establish the origins of some officials of the foreign service department.

Keywords: *Posolskiy prikaz*, interpreters, service-class Tatars, Time of Troubles.

References

1. Belyakov A.V. Sluzhashchie Posol'skogo prikaza vtoroj treti XVII veka. Dis. ...kand. ist. nauk. M., 2002. 403 s.
2. Lisejcev D.V. Posol'skij prikaz v ehpohu Smuty. M., 2003. 485 s.
3. Kunenkov B.A. Posol'skij prikaz v 1613–1645 gg.: struktura, sluzhashchie, deloproizvodstvo: Dis. ... kand. ist. nauk. Bryansk, 2007. 415 s.
4. RGADA. F. 131. Op. 1. 1622 g. D. 4.
5. Selin A.A. Tatory-musul'mane i novokreshcheny v novgorodskoj zemle: formirovanie i funkcionirovanie maloj social'noj gruppy (konec XVI – nachalo XVII v.) // *Quaestio Rossica*. 2016. 2016 № 3. S. 93–110.
6. Belyakov A.V. Chingisidy v Rossii: prosopograficheskoe issledovanie. Ryazan': Ryazan'. Mir, 2011. 512 s.
7. Trepavlov V.V. Rossijskie knyazheskie rody nogajskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannaya istoriya) // *Tyurkologicheskij sbornik*: 2002. M.: Vostochnaya literatura, 2003. S. 320–353.
8. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu. SPb., 1841. T. II.
9. SPbII. Kol. 174. Op. 2. D. 326.
10. Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu. SPb.: Tipografiya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii, 1851. T. 4: 1588–1632. 529 s.
11. RGADA. F. 131. Op. 1. 1622 g. D. 1.
12. Kotoshihin G.K. O Rossii v carstvovanie Alekseya Mihajlovicha. SPb.: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1906. 214 s.
13. Opis' arhiva Posol'skogo prikaza 1673 goda. M., 1990. Ch. 1. 525 s.
14. Belyakov A.V. Specialisty vostochnyh yazykov Posol'skogo prikaza vtoroj poloviny XVII v. // *Istoriya v podrobnostyah*. 2015. № 9. S. 38–47.
15. RGADA. F. 138. Op. 2. Kn. 12.
16. Belyakov A.V. Kreshchenie musul'man i problema ih integracii v Rossii XVI–XVII vekov // *Nacional'naya politika Rossii v kontekste sovremennyh vyzovov: idei, praktiki, perspektivy*. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2015. S. 56–74.
17. RGADA. F. 138. Op. 1. 1661 g. D. 7.
18. Belyakov A.V. K voprosu o veroispovedanii sluzhashchih Posol'skogo prikaza vtoroj poloviny XVII v. // *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.)*: Sb. statej. M., 2003. S. 64–70.
19. Belousov M.R. Boyarskie spiski 1645–1667 gg. kak istoricheskij istochnik. Kazan', 2009. T. II. 464 s.
20. Opisanie Gramot Kollegii ehkonomii. M.: Drevlekhranilishche, 2016. T. I: A–I. 1192 s.
21. Zaharov A.V. Gosudarev dvor Petra I: publikaciya i issledovanie massovyh istochnikov razryadnogo deloproizvodstva. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2009. 447 s.